

Минкова проводит между идеей дегуманизации, центральной для концепции Агамбена о *homo sacer*, и героизацией многих из «героев» ее исследования подчеркивает парадокс: враг, очерняемый и физически уничтожаемый одним лагерем, может быть превращен в героя и «священную жертву» противоположным лагерем. Однако ценность ее теоретической базы для понимания этого явления сомнительна, а подбор примеров, который, по собственному признанию Минковой, был обусловлен их «яркостью и разнообразием», не всегда убедителен. Хотя стюардессы, защищающие пассажиров во время захвата самолета, могут считаться героинями, их характеристика как *homo sacer* представляется надуманной. Общую аргументацию Минковой также подрывает сложносоставной характер некоторых глав, соединяющих в «потоке сознания» очень разные элементы. Пожалуй, наиболее

убедительным в ее исследовании является анализ кризиса рассматриваемой парадигмы в 1980-е годы, но возникает вопрос: не лучше ли было бы Минковой ограничить свое исследование советской эпохой и привлечь более узкий круг примеров?

Тем не менее, чтение работ Минковой в 2021 году, особенно ее трактовки дела Ходорковского, вызывает параллели с самоотверженным решением Алексея Навального выбрать тюрьму вместо изгнания, с его героизацией как оппозицией, так и Западом, а также с его ожиданием, что его сторонники проявят такую же готовность к самопожертвованию во имя своих идей, какова бы ни была человеческая цена. И это подтверждает представление Минковой о том, что та парадигма, о которой она пишет, продолжает быть актуальной в российской культуре.

Барбара Мартин

Оружие святости на службе государств и наций

Рецензия на: Berezhnaya, L. (Hrgs.) (2020) *Die Militarisierung der Heiligen in Vormoderne und Moderne*. Berlin: Duncker & Humblot. — 331 s.

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2022-40-1-317-322>

Проблема соотношения мученичества, святости и героизма легко преодолевает пороги академиче-

ских кабинетов и актуализируется в современном заинтересованном общественно-политическом

пространстве. Об этом нам напоминают в предисловии к рассматриваемому сборнику, приводя слова тогда премьер-министра В. Путина на встрече с художником И. Глазуновым в 2009 году о православных святых Борисе и Глебе, что они, конечно, святые, «но надо бороться за себя, за страну, а отдали без борьбы» и «это не может быть для нас примером — легли и ждали, когда их убьют».

Идея отрицания насилия противоречит современным политическим процессам инструментализации святых — в том числе посредством их милитаризации. Однако начало этих процессов уходит в глубину веков, и причины их сложны и многообразны. Им посвящен сборник «Милитаризация святых в домодерную и модерную эпохи», представляющий дополненные и расширенные материалы прошедшей в феврале 2017 года в Вестфальском университете в Мюнстере конференции. Последняя, в свою очередь, была вдохновлена выставкой «От борцов с драконами и других героев. Святые-воины на иконах», открытой в октябре 2016 года в немецком Реклингхаузене к 60-летию крупнейшего в неправославных странах музея православных икон.

Сборник состоит из вводной статьи, двух разделов, десять статей в которых посвяще-

ны рассмотрению проблем, соответственно, в домодерную и модерную эпохи, и заключения. Сборник открывает большая и основательная вводная статья Лилии Бережной (Liliya Berezhnaya) «Солдаты и мученики: к процессу милитаризации святых в восточном и западном христианстве», в которой, наряду с обзором содержания сборника, рассматриваются вопросы терминологии, теории, истории и состояния исследований. Бережная указывает, что амбивалентность отношения христианства к физическому насилию обсуждалась в ходе современных дискуссий о взаимоотношении религий и насилия, о потенциале насилия монотеистических религий. Отмечалась разница бытования на Западе и Востоке концептов «справедливой» и «священной» войны, сакрализации войны: если в западном христианстве они восходят еще к Св. Августину, то отцы восточной церкви долго не признавали святость убивавших на поле боя, формировали критическое отношение к войне. Хотя попытки сакрализовать войну были не чужды и восточному христианству, но в православных странах, в том числе и России, долго сохранялась двойственность в отношении милитаризации святых. Это демонстрирует и феномен «культурного палимпсеста», каковым предстает культ

Св. патриарха Гермогена в России, неоднократно «милитаризованный» и «демилитаризованный» (статья Р. Грина в этом сборнике). Однако, несмотря на все различия, подчеркивает Бережная, милитаризация святых — общеевропейский феномен. Уже с византийских времен христианские святые наделялись военными атрибутами, изображались воинами. В эпоху модерна в ходе нациестроительства в Европе светские персонажи повсеместно стилизовались под мучеников и героев, рождались новые формы почитания, сакрализованный язык распространялся в печати, литературе, историографии, театре, а мирные и смиренные прежде святые представляли в образах воинственных покровителей нации, сплававших государство, власть и народ.

Первый раздел сборника, посвященный домодерной истории святых-воинов, открывает статья Эвы Хауштайн-Барч (Eva Haustein-Bartsch), демонстрирующая превращение Св. Мины Египетского (в портретных типах византийского искусства) из юного безоружного римского солдата на иконах V–VIII веков во взрослого, седого и бородатого офицера и вельможу на иконах с X в. и, наконец, в образцового воина при всем вооружении и на коне — в поздневизантийское время. Автор, впрочем,

не углубляется в раскрытие причин этой трансформации, замечая, что их еще предстоит исследовать. Лори Сартти (Laury Sarti) в статье о меровингских святых как воинах указывает на развитие до конца меровингской эпохи двух параллельных, не пересекавшихся до середины VIII века, тенденций — христианизации войны (приведение ее восприятия к христианским нормам) и милитаризации христианства (проникновение милитаристских концептов и ценностей в религиозную традицию). Последний феномен автор рассматривает на примере изображения святых в меровингских источниках. Она отмечает, что святой и герой воплощали в это время две разные стороны идеала мужественности, тесно связанные, но антиподные типы: один вел духовную борьбу, второй — физическую. Полного их слияния до конца меровингской эпохи не произошло, но мир воина с конца VI века занял центральные позиции в агиографии как референт описания духовных добродетелей. Сартти замечает, что этот процесс коррелирует с процессами слияния меровингских элит и слияния ценностных представлений. В статье Томаса Шарфа (Thomas Scharff) представлен широкий спектр ролей и стратегий, приписываемых агиографической литературой святым в ходе на-

падений норманнов на Франкское государство в IX веке. Святые представляли не только пассивными жертвами, на обители которых нападали и разграбляли, и с останками которых вынуждены были спасаться бегством монахи. В ряде случаев они изображались помощниками в борьбе с захватчиками, поддерживающими людей молитвами и заступничеством перед Богом, выступающими активными участниками битв и даже переходящими в наступление, когда нападение затрагивало святые места их упокоения. Штефан Самерски (Stefan Samerski) в своей статье показывает, что двойная функция Тевтонского ордена — забота о раненых и военная функция — обусловила милитаризацию его многочисленных святых покровителей и покровительниц (среди которых вторые, причем, преобладали). Завершает раздел статья Наталии Синкевич (Nataliia Sinkevych) о культе святых-воинов в Киевской митрополии первой половины XVII века. Рассматривая шедшие в условиях военных угроз процессы стилизации агиографами и хронистами мирных прежде христианских святых в воинов, автор подчеркивает специфику этих процессов, обусловленную влиянием различных традиций: в первые десятилетия XVII века широко использовались москов-

ские иконография и нарративы, святые, связанные с династией Рюрика, а со второй половины столетия проявлялось тяготение к византийским, болгарским, греческим изображениям святых, которым приписывались более широкие защитные функции и охват в отличие от «династических» святых.

Второй раздел посвящен процессам «национализации» святых-воинов и сакрализации солдатских смертей в XIX — середине XX века. Константин Йордачи (Constantin Iordachi) анализирует становление национального мессианизма и сакрализации политики на примере создания двойного культа князя Михая Храброго и архангела Михаила в румынской национальной идеологии. Творя новую национальную идентичность, националистическая идеология апеллировала к религиозным символам, подчеркивая сакральный характер нации и ее божественную миссию. Отличие румынского мессианизма от европейского автор усматривает в том, что тот не исчез после Революции 1848 года, а развивался, особенно после создания румынского национального государства в 1859 года, и обрел кульминацию в фашизме, который использовал его для мобилизации масс. Андре Йоханнес Кришер (André Johannes Krischer) пока-

зывает становление секулярного политического культа мучеников в ирландском движении за независимость как социального конструкта, создававшегося и поддерживавшегося СМИ и разнообразными ритуальными практиками, как культурного сценария, который воспроизводился действиями участников. Светское политическое мученичество востребовало свой строительный материал из «архива различных практик» религии. Ирландских борцов за свободу типизировали в качестве мучеников, используя семантику мученичества (как страстей), ритуалы мученичества (провозглашения веры у эшафота), практики («квази-реликвии» в виде писем мучеников, фотоколлажи и др.). И для религиозной публики эта типизация имела идентификационное значение, способствовала процессам нацистроительства. Роберт Грин (Robert H. Greene) изучает процессы милитаризации и инструментализации фигуры Св. патриарха Гермогена в патриотическом и националистическом дискурсе позднейимперской России. Причем две модальности Св. Гермогена — воин-патриот и целитель-чудотворец оказываются не конкурирующими, а взаимодополняющими, поскольку русское православное воображение оказалось достаточно емким, чтобы вместить

множество ролей, и различные аудитории взаимодействовали с ними различным образом. Штефан Родевальд (Stefan Rohdewald) рассматривает в своей статье процесс дискурсивной милитаризации южнославянских святых в ходе Балканских войн и Первой мировой войны. Традиционно не имевшие военного значения, общеславянские святые Кирилл и Мефодий, Климент Охридский, Св. Савва по мере развития национальных движений в болгарских и сербских землях приобретают национальное измерение, милитаризуются, с конца XIX века и вплоть до 1930-х годов, используются для продвижения национальных секулярных утопий, укрепления коллективных идентичностей в гетерогенных регионах. Сара Тиме (Sarah Thieme) на примере конкретного рейнско-вестфальского региона анализирует национал-социалистический культ павших, инструментализировавший почитание солдат Первой мировой войны, а также павших во время франкобельгийской оккупации «борцов за Рур» и участников уличных боев конца 1920-х — начала 1930-х годов. Она подчеркивает «сакральное и солдатское» понимание нации в культуре нацизма, от которого неотделимы война, героическая борьба, сакральная солдатская смерть.

Заимствуя религиозные идеи и образы, нацистская риторика через фигуры мучеников сакрализовала и легитимировала насилие как необходимое условие спасения нации и возрождения Новой Германии. Через ритуалы почитания мучеников героический этос и миф широко распространялись в массах и служили целям подготовки к войне.

В заключительной статье Альфонса Брюнинга (Alfons Brünning) отмечается зыбкость границы между святыми и героями, показанная в статьях сборника. Им подчеркивается, что в основе моральных конфликтов между религией и идеологией, между христианскими святыми и военными героями лежало противостояние, с одной стороны, христианского универсализма церкви и ее понимания святости как долгого подвига преодоления себя и приближения к Богу и, с другой стороны, партикулярных нарративов различных сообществ, особенно оказывавшихся в ситуациях конфликтов, в пограничных регионах, и их потребности в героическом, в ярких деяниях, имевших быстрый эффект. И несмотря на то, что миф о войне как арене проявления героизма и проверки нации на прочность быстро утратил свою привлекательность в условиях современных войн XX в., указанная моральная дилемма остается актуальной.

В свете последнего замечания жаль, что материалы сборника хронологически ограничены серединой XX века, хотя некоторые статьи в нем — да и ряд изучаемых в них тенденций — периодически выводят суждения за эту верхнюю границу. Но в целом сборник является собой весьма впечатляющий опыт размышлений о проблемах взаимодействия религии и религиозных ценностей — и политики, и ее потребностей, а также выражавших и представлявших их образов в европейском христианском пространстве на протяжении семнадцати столетий. Авторы статей убедительно демонстрируют общность шедших в Европе процессов милитаризации святости, несмотря на некоторые региональные и хронологические различия, сопрягая эти процессы с усилением позиции светской власти, государства перед внешней и внутренней угрозами, а позже — с процессами нацистроительства. В то же время примечательно, что использование религиозной риторики, семантики, ритуалов и практик не было простым заимствованием языка церкви, но базировалось на системе религиозного чувствования и представления мира широких слоев населения.

Светлана Мальшьева